

Мария Брикер

Кастинг на чужую роль

Часть сборника
Весенний детектив 2009
(сборник)

Мария Брикер

Кастинг на чужую роль

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160400

Новые лучшие детективные истории: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-22895-9

Аннотация

«Вот тварюга пернатая! – выругался Шалинский, брезгливо вытирая носовым платком липкий птичий помет с воротника куртки. – Не успел из дома выйти, и нате вам, весь в «гуане». Хотя... в народе вроде бытует примета, если птица нагадила на плечо, то это означает... Означает это... – Примета вертелась в голове – Шалинский напряженно задумался. «К счастью? Или к деньгам?» – предположил он, но ошибся, потому что в этот момент ему на голову упал кирпич...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Мария Брикер

Кастинг на чужую роль

Вот тварюга пернатая! – выругался Шалинский, брезгливо вытирая носовым платком липкий птичий помет с воротника куртки. – Не успел из дома выйти, и нате вам, весь в «гуане». Хотя... в народе вроде бытует примета, если птица нагадила на плечо, то это означает... Означает это... – Примета вертелась в голове – Шалинский напряженно задумался. «К счастью? Или к деньгам?» – предположил он, но ошибся, потому что в этот момент ему на голову упал кирпич...

* * *

«Таял снег, пачкая тротуары лужами и убегая веселыми ручейками в ржавые дождевые сливы. На деревьях беременели почки, обласканные мартовским солнцем, пели птицы, нежно пахло весной. Весна вползала в душу, тревожила сердце, распускалась яркими бутонами тюльпанов в сердце. Любовь...

Любовь, как всегда, опаздывала. Уже на полчаса. Но Варя терпеливо стояла у входа в кинотеатр, рассеянно теребила ремешок сумочки и ждала. Он подошел сзади, дотронулся до плеча. Варя резко обернулась, обрадовалась, бросилась любимому на шею – он мягко ее отстранил.

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказал любимый, разглядывая свои модные ботинки из змеиной кожи.

– Да? Говори тогда, – подбодрила Варя, почему-то ощущающая неловкость от того, что он разглядывает свои ботинки.

– Сейчас скажу.

– Ну говори же, говори.

– Да не дергай ты меня! – разозлился он, его взгляд скользнул по ее лицу и вновь сосредоточился на ботинках. – Понимаешь... Мы больше не можем... встречаться. Я не люблю тебя, прости. Ты милая, славная, но у меня другие планы».

– Вот урод! Да пошел ты со своими планами! Тыфу на тебя! Тыфу на тебя десять раз! Придурок штампованный. Штампы, сплошные штампы и розовые сопли. Вера! Где мой утренний кофе? Немедленно! Сию минуту принеси мне кофе! – Ангелина Заречная со злостью скомкала листы, исписанные изящным витиеватым почерком, и зашвырнула в угол комнаты, где кучкой лежали их братья-близнецы. Начать новый роман никак не получалось. Точнее, получалось, но выходило банально, а Ангелина Заречная, модная писательница современных любовных романов в стиле чик-лит,¹ светская красавица... бальзаковского возраста, ненавидела пошлость. Так она считала. И в интерьере ее квартиры не

¹ Чик-лит – от англ. chick-lit, буквально – литература для цыпочек, легкое дамское чтение.

было ни одной тривиальной вещи, включая домработницу.

В комнату заглянула сухолицая, остроносая особа – та самая нетривиальная домработница. Выглядела она, правда, обычно и одета была в среднестатистический для тружениц данной профессии наряд: строгое коричневое платье, крестинский кокошник и белоснежный накрахмаленный передник.

– Газеты я спускалась свежие купить! И незачем орать во всю глотку! Нервы и без ваших воплей ни к черту, – поджав губы, проворчала женщина, продефилировала к журнальному столику и грохнула на него поднос. Изящная фарфоровая чашечка затанцевала на блюде, на свежие газеты и кремовую льняную салфетку из кофейника выплеснулось несколько капель. Собственно, именно в этом и заключалась оригинальность домработницы: Вера в выражениях не стеснялась и легко могла послать хозяйку в... или на... улицу за свежими газетами. Но не посылала, а каждое утро отправлялась за периодикой сама, хотя никто ее об этом не просил.

– Ой-ой-ой, какие мы нервные, – поддела Ангелина, присела на софу напротив журнального столика, налила себе кофейку и положила в чашку прозрачную дольку лимона. Ангелина любила кофе с лимоном и обожала шокировать официантов за границей своими оригинальными вкусовыми пристрастиями. Особо тупым после объясняла, что подобная мода пошла еще со времен русского царя Александра – какого именно, она не уточняла, так как не знала сама.

– Чем так недовольны? Опять, что ль, не прет? – смягчилась домработница.

– Ага, категорически не прет, – вздохнув, согласилась Ангелина. – Совершенно никакого настроения нет. Да и откуда? Откуда ему взяться? Погода гнусная, дожди льют, любовника нет. И душа, душа моя вся в смятенье. Вот уже неделя, как я живу не в ладу с собой. Полнейшая задница, – заключила Ангелина, сделала осторожный глоток кофе, двумя пальчиками отставила чашечку обратно на поднос и закурила сигарету в длинном мундштуке из карельской березы.

– А вы газетку-то прочтите, глядишь, настроение и наладится, – посоветовала Вера. Лицо экономки при этом было загадочным и довольным.

– Что такое? Неужели кто-то написал положительную рецензию на мои книги? – заинтересовалась Ангелина, выпустила пару рваных колечек дыма из ярко накрашенных губ, схватила газету и зашуршала страницами.

Заречная делала макияж, как только поднималась с постели. Наводить утренний марафет вошло у нее в привычку с тех пор, как она выскочила замуж – Ангелина пребывала в глубоком убеждении, что ухоженную женщину мужчины не бросают. Когда же муж ее оставил, несмотря на то что она всегда выглядела ухоженной, Заречная убеждений своих не поменяла. Менять жизненное кредо из-за каких-то тупых мужланов, не способных оценить ее тонкую душевную организацию, талант и ослепительную красоту, она считала ниже

своего достоинства.

– Некрологи глядите, на последней странице, – деловито подсказала домработница.

Заречная, приподняв бровки, перевернула газету и сосредоточилась на чтении. Секунду в комнате стояла тишина, которая разорвалась радостным воплем писательницы:

– Свершилось! Какое счастье! – Ангелина вскочила с дивана и с блаженной улыбкой затанцевала по комнате с газетой в руке.

– Ну, я же говорила. Иногда в газетах приятные новости тоже печатают. И еще письмишко вам по почте пришло. Гляньте.

Вера игриво поболтала перед носом Ангелины конвертом. Заречная недовольно выхватила голубоватый прямоугольник из рук домработницы.

– Опять в мои письма свой длинный нос совала, паразитка, – раздраженно проворчала она – конверт был вскрыт.

– Вы кофий-то пейте, пейте, остывает ведь. Будете после орать, что холодный.

– Какой, к черту, кофе, Вера! Мой супруг скопытился! А ты говоришь – кофе. Фи, как можно! Давай-ка дуй за шампанским. Это дело нужно отметить. Сейчас же! Сию минуту! Немедленно! Выпью бокал и после поеду в адвокатскую контору выяснять вопрос о завещании. Мне велено явиться туда к четырем часам.

– Ох, – вздохнула экономка и пошуршала к двери.

«Мерзкая погодка», – подумала Прокопьевна. Москва, придавленная низкими свинцовыми тучами, хмурилась от дождей. Зонт, как назло, прохудился, да и не с руки было стоять с зонтиком под узким козырьком табачного киоска. Ботинки тоже прохудились, с тоской глядя на свои войлочные боты, пришла к выводу Прокопьевна и пошевелила большим пальцем, который торчал из дырки. Ладно, не впервой – прорвемся. Прокопьевна поправила выгоревший платок, нацепила белые кружевные перчатки – свой талисман – и зорко осмотрела окрестности.

– Бабка, ты меня достала уже! Вали отсюда, чучело огородное! – раздался недовольный голос из окошка киоска.

– Сострадание нужно иметь к ближнему, голуба. И воздастся тебе на небесах! – пропела Прокопьевна, сунув в окошко мятый полтинник.

– Ладно, стой – разве ж мы звери, – сжалась продавщица и рывкнула: – Только тужуркой к стеклу не жмись, Прокопьевна. Мне ж после мыть.

Старушка покладисто отлипла от стекла витрины.

У тротуара припарковалась серебристая «Ауди». Из машины вылез импозантный мужчина в длинном стильном плаще – Прокопьевна, почуяв добычу, сгорбилась, сощурилась и состроила на лице трагическую мину. Но мужчина,

перепрыгивая через лужи, подошел к журнальному киоску. Прокопьевна было расстроилась, что потенциальный клиент проплыл мимо, но владелец «Ауди», купив газету, направился к табачке.

– Сынок, пенсию я потеряла всю. Подай бабушке на хлебушек, Христа ради прошу! Кушать очень хочется, – загундосила она и подставила под нос клиенту «кружевную» ладонь.

– Бог подаст, – брезгливо отодвинул ее руку «сынок», расплатился за сигареты и потопал к свой иномарке.

– Жлоб! – потрясла ему вслед кулаком попрошайка.

– И не говори, Прокопьевна. Такой за копейку удавится, сразу видно, – подала голос из будки продавщица. – Смотри-ка, смотри-ка – газету в лужу уронил. Ай-ай-ай, какая неприятность, – ехидно добавила она. – Так ему и надо, морде буржуйской. Курить хочешь, Прокопьевна? Угощаю!

– Не курю я и тебе не советую – вредно это для здоровья, – отказалась бабка, наблюдая за отъезжающей иномаркой. Машина скрылась из вида, газета осталась лежать в луже. – Пойду гляну, что в мире деется. Давненько прессу не читывала, – оживилась Прокопьевна, трусцой доскакала до лужи, подняла газетку и, стряхивая с нее воду, вернулась к киоску.

– Прокопьевна, а ты кем работала, когда молодая была?

– Много будешь знать, скоро состаришься.

– Ну, Прокопьевна, ладно тебе кочевряжиться. Давай рас-

сказывай, иначе в следующий раз полтинником не обойдешься.

– Зараза ты, Зинка.

– Гы-гы-гы, – отреагировала на комплимент продавщица.

К киоску подошел следующий клиент, прыщавый молодой человек в облезлой кожанке, но Прокопьевне было не до него, она во все глаза смотрела на напечатанный в газете некролог и улыбалась широкой счастливой улыбкой.

– Возьмите, бабушка, – раздалось над ее ухом – парень протягивал ей десятку.

– Да пошел ты со своими деньгами! В смысле, пива лучше себе купи, сынок, – посоветовала бабуся ошалевшему юноше и обратилась к продавщице: – Слышь, Зинка, в оперном театре я работала. Ведущие партии исполняла.

– Ага, так я тебе и поверила, – в очередной раз заржала во все горло Зинка, и тут смех ее стих, потому что Прокопьевна открыла рот и...

– Тра-та-та-та тарам-па-па-па. L' amour est un oiseau rebelle... – выдала она на чистом меццо-сопрано и не менее чистом французском знаменитую хабанеру из оперы «Кармен».

Внутри табачного киоска послышался грохот, вероятно, Зинка упала со стула. А прыщавый юноша выронил изо рта сигарету. Прокопьевна тем временем, сорвав с головы платок и продолжая солировать, помчалась к дороге, выбежала на середину проезжей части и, размахивая руками, попыта-

лась остановить несущийся на нее автотранспорт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.